

Клайв Льюис

О том, как неестественна роскошь

Перевод с английского Н. Трауберг

К несчастью для англичан, наш хваленый «общий дух» нередко бывает в высшей степени частным. Мы осведомлены о вполне простительных, но глубоко личных взглядах людей, достаточно для того влиятельных. Если люди эти к тому же очень богаты, возникает гнуснейшая из деспотий — деспотия вежливая. Казалось бы, «общий дух» — это дух, для всех общий. Однако в нашей стране, в нашу эпоху именно этого и нет. Мы скорее обзаведемся общими кухнями и прачечными, чем общим, поистине общественным мнением. В сущности, будь оно у нас, мы обошлись бы без этих кухонь и прачечных. Если бы Англией правильно правили обыкновенные англичане, вероятно, прежде всего изменилось бы представление о жизненном стандарте: мы считали бы нормальной не жизнь богача, а жизнь умеренно бедного человека. При всем уважении к собственности мы четко различали бы то, что необходимо клерку, от того, что для него — исключительная роскошь. Разница эта очень существенна, но мы ее не ощущаем, потому что наш стандарт — стандарт правящего класса, у которого роскошь превращается в потребность так же быстро, как свинина превращается в сосиски. Богатые не могут вспомнить, откуда пошли их потребности, и не могут положить им предела.

Возьмем, к примеру, автомобиль. Без сомнения, герцогу он кажется таким же необходимым, как кров; вполне возможно, что скоро ему покажется необходимым летающий корабль. Но из этого не следует (как думают отсталые скептики), что автомобиль и кров одинаково нужны. Это значит просто, что человек может привыкнуть к искусственной жизни; и никак не значит, что нет жизни естественной. Зоркий здравый смысл всегда увидит разницу между бездомностью и отсутствием аэроплана, и никакая гонка изобретений его не разубедит. Мы исходим из ненормальных потребностей, но можно исходить из нормальных. Самый пристойный аристократ смотрит на мир с аэроплана. Обычный человек — в лучшем случае с крыши.

Говорят, что роскошь относительна. Это не так. Роскошь — не просто дорогое новшество, которое может стать и потребностью. У нее — особая суть; и там, где действительно есть общественная жизнь, ее допускают, иногда ругают, но всегда узнают с первого взгляда. Духовно здоровый человек слышит предупреждение: некоторые приятные по своей сути вещи исключительны, если же станут правилом — поработят его.

Схватите на Харроу-роуд растерянную швею, катайте ее целый час на автомобиле, и она подумает, должно быть, что это очень приятно, довольно странно и немножко страшно. Дело не в том (как скажут релятивисты), что она никогда не каталась в автомобиле. Она никогда, быть может, не гуляла на цветущем лугу; но если вы ее туда перенесете, ей не будет ни странно, ни страшно — только хорошо, привольно и немножко одиноко. Она считает автомобиль чудищем не потому, что его не понимает; она считает его чудищем, потому что видит хорошо, а он — чудище и есть. Ее бабки и прабабки, и весь народ, породивший ее, жили вполне определенной жизнью. Сидеть на лугу они могли, нестись со скоростью ядра — навряд ли. Незачем презирать швею, если она взвизгнет, когда автомобиль тронется с места. Напротив, мы должны почитать ее, слышать в ее визге знамение, как слышали некогда готы в крике рассерженных женщин. Ее ритуальный клич знаменует духовное здоровье, быстро и верно отвечает на вызов. Швея потому и мудрее дамы, что еще способна чувствовать разницу между лугом и автомобилем. По несчастной случайности, она живет в экономической неволе и, наверное, чаще видит автомобили, чем луга. Но это не лишило ее безошибочной пронизательности; она не спутает естественное с искусственным. Пусть не ей, пусть людям вообще естественное доступней. Дешевле сидеть на лугу и смотреть на автомобили, чем смотреть из автомобиля на мелькающие луга.

Как кому, а мне собственный автомобиль нужен не больше, чем собственная лавина. Говорят, если посчастливится, очень интересно съехать с горы на снегу — намного интересней, чем на леднике, который проползет дюйм в столетие. Но мне такие развлечения чужды, и не потому, что я еще не привык, а по самой своей сути. Лошадь или велосипед — вещи нормальные, люди любят смотреть по сторонам; и человек не заставит коня, велосипед — не заставит человека резко переменить жизнь. В автомобильной езде есть что-то сверхъестественное, как в полете на Луну; мне кажется, и то и другое должно оставаться исключением, приключением. У моего идеального героя будет свой конь, но он не постыдится брать автомобиль напрокат. Нет лучшего учебника жизни, чем сказки. Очень хорошо, что прекрасный принц скачет на белом пони из

золотых королевских конюшен. Но если ему придется проехать часть пути на огненном драконе, он обязан к концу сказки вернуть дракона колдунье. Не стоит держать драконов дома.

Да, в роскоши есть что-то жуткое, и здравая душа человеческая всегда это чуяла. Повествования о сугубой роскоши, от «Тысяча и одной ночи» до книг Уйды и Дизраэли, похожи на сон, порою — на кошмар. Этот разгул фантазии непрочен, случаен, как опьянение (если опьянение еще считают случайным). Наверное, жить в фантастических чертогах до смерти скучно; туда можно лишь зайти, заглянуть, как в виденье. И то, что я думаю о прежних прихотях богатства — о благовониях или блеске, — думаю и о новой прихоти, скорости. Когда я ворвусь к герцогу во главе мятежной толпы, я скажу ему: «Мы оставим вам ваши исключительные радости, если вы примете их как исключение. Мы разрешим вам пользоваться дикими и дивными силами, если вы сочтете их дикими и дивными, а не обычными, не своими. Обязывая вас (по семнадцатому пункту восьмого декрета Республики) дважды в год нанимать автомобиль, чтобы ехать к морю, мы не отнимаем у вас роскошество, мы его защищаем».

Вот что скажу я герцогу. Что ответит герцог — дело другое.